

ЛЕТОПИСНЫЙ
«ИЗЯСЛАВЛЬ»

БОЛЬШОЕ
ШЕПЕТОВСКОЕ
ГОРОДИЩЕ

В СВЕТЕ
АРХЕОЛОГИИ

Том 1

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК
М. К. КАРГЕРА
1957–1964 ГОДОВ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
1960–1980-Х ГОДОВ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for the History of Material Culture
Proceedings. Vol. LV

Medieval “Iziaslavl”
The Large Fortified Settlement
near Shepetovka,
in the light of archaeology

Volume I

Materials from the archaeological excavations
of Mikhail Karger 1957–1964
investigated in the 1960s–1980s

Nestor-Historia
St. Petersburg
2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры
Труды. Т. LV

Летописный «Изяславль»

Большое Шепетовское городище в свете археологии

Том I

**Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов
в исследованиях 1960–1980-х годов**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 90
ББК 63.4(2)2
Л52

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-19-00114, не подлежит продаже

Работа по подготовке издания выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 18-09-00753

Печатается по решению Ученого совета ИИМК РАН

Редколлегия: К. А. Михайлов, А. А. Пескова (отв. ред.-сост.), О. А. Щеглова

Рецензенты: д-р ист. наук С. В. Белецкий, д-р ист. наук А. Е. Мусин

Л52

Летописный «Изяславль»: Большое Шепетовское городище в свете археологии. Том I. Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов / ред.-сост. А. А. Пескова. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 264 с., ил. — (Труды ИИМК РАН. Т. LV).

Medieval “Izyaslavl”: The Large Fortified Settlement near Shepetovka, in the light of archaeology. Volume 1. Materials from the archaeological excavations of Mikhail Karger 1957–1964 investigated in the 1960s–1980s / ed. by A. Peskova. — St. Petersburg : Nestor-Historia, 2020. — 264 p., il. — (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LV).

ISBN 978-5-4469-1696-2

DOI 10.31600/978-5-4469-1696-2

Настоящее издание представляет собой I том материалов и исследований из раскопок Большого Шепетовского городища, широко известного специалистам как летописный «Изяславль» (1957–1964 гг., рук. М. К. Каргер). В нем собраны результаты изучения трех массовых категорий археологических находок — исследования А. Н. Кирпичникова, посвященные предметам вооружения, О. В. Овсянникова о керамике и В. И. Цалкина о фауне, проведенные в 1960-е гг. и не утратившие актуальности сегодня, которые вводят в научный оборот многотысячные археологические материалы, отражающие хозяйственный уклад и социально-культурный облик древнерусского города конца XII — первой половины XIII в. Публикуется также выполненный Г. А. Романовой краткий обзор материалов позднеимперского времени, относящихся к поселению, предшествовавшему на этом месте средневековому городу. Для археологов, историков, музейных работников, всех интересующихся историей Древней Руси и специалистов по истории Восточной Европы в позднеимперское время.

This publication presents readers with the results of the study of three mass-scale categories of archaeological finds from the excavations undertaken at the Bolshoye Shepetovka fortified settlement (1957–1964, led by Mikhail Karger), which is widely known among specialists as medieval “Izyaslavl”, referred to in the chronicles. Anatolii Kirpichnikov’s research was devoted to weaponry, that of Oleg Ovsyannikov to the pottery and that of Venyamin Tsalkin to the faunal remains — all in the 1960s, but they remain just as relevant and topical today. The publication introduces into the academic literature thousands of archaeological finds reflecting the working environment and socio-cultural character of an Early-Rus’ town at the end of the 12th century and during the first half of the 13th. It also includes a short survey, carried out by Galina Romanova, of materials dating from the Late Roman period and relating to the settlement which pre-dated the fortified settlement at this site. The book is intended for archaeologists, historians, museum staff and all those who are interested in the history of Early Rus’ and who specialize in the history of Eastern Europe during the Late Roman era.

ISBN 978-5-4469-1696-2

9 785446 916962

**УДК 90
ББК 63.4(2)2**

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Авторы статей, 2020
© Пескова А. А., научное редактирование, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

История изучения городища у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области, Украина

Обращаясь к истории изучения городища, раскопанного под руководством М. К. Каргера (рис. 1) в 1957–1964 гг., необходимо вначале сказать несколько слов о его наименовании. Широко известно, что исследователь отождествил изучаемый памятник с летописным городом Изяславем, оказавшимся зимой 1240/1241 гг. на пути войск Батые, двигавшихся на Запад после взятия Киева (ПСРА II: 786; Каргер 1958А: 16–17). Под этим именем городище продолжает фигурировать в литературе по сей день, несмотря на то что гипотеза М. К. Каргера давно оспорена. Он и сам отмечал, что ее правомерность будет зависеть от наличия или отсутствия культурного слоя, синхронного городищенскому, в находящемся неподалеку районном центре Изяслав на Горыни: «Для того, чтобы высказанная здесь гипотеза превратилась в научно-обоснованное положение, необходимы дополнительные археологические исследования на территории современного Изяслава» (Каргер 1958А: 17). Спустя лет двадцать (1980–1990-е гг.) такие раскопки были проведены украинскими археологами в городе Изяславе на Горыни, было установлено наличие на его территории в урочище «Рогнеда» городского слоя XII — первой половины XIII в. Тем самым подтверждена возможность прямой исторической преемственности летописного Изяслава и современного города Изяслав (Никитенко, Осадчий, Полегайлов 1985: 270–274; Никитенко 1999: 547–552; Прищепа 2016: 130; Демидко 2017: 144–149). Трудно сказать, что повлияло на живучесть гипотезы М. К. Каргера, то ли открытый археологами масштаб разрушения древнего городка, то ли масштаб личности самого исследователя, скорее всего то и другое вместе взятое. Тем более что вероятность гибели этого городка, расположенного на пути движения войск Батые, вследствие монголо-татарского нападения весьма высока вне зависимости от его наименования.

В настоящее время поиски летописного имени раскопанного М. К. Каргером городища продолжают, но ни одна из новых гипотез не подкреплена достаточной аргументацией. В этих условиях приходится использовать нейтральное географическое наименование археологического памятника, а при необходимости упоминания емкого летописного имени Изяславль заключать его в кавычки.

Рис. 1. Портрет М. К. Каргера
1960-х гг. (НА ИИМК РАН,
ФО, негатив I 76721)

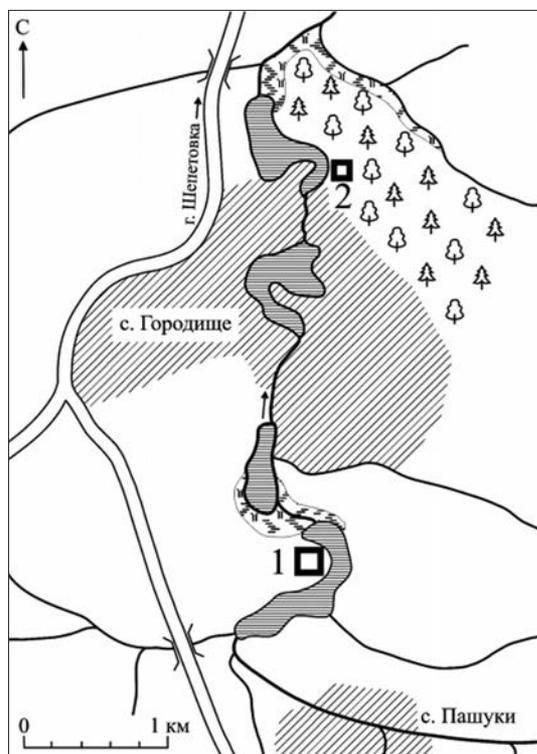

Рис. 2. Схема расположения городищ у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области, Украина:
 1 — большое городище в урочище Валы (летописный «Изяслав»);
 2 — малое городище в урочище Высокое (по Пескова 2009: ил. 1)

Но и называть городище по названию близлежащего села Городище было бы недостаточно точно, поскольку сёла с таким названием в регионе встречаются довольно часто. Ближайшим к селу Городище населенным пунктом с неповторяющимся названием является районный центр Шепетовка, на который и приходится ориентироваться, тем более что другие городища в его округе неизвестны. При этом надо учитывать, что около села Городище расположены два городища разного размера: большое в урочище Валы, находящееся к югу от села, и малое в урочище Высокое на его северной окраине (Антонович 1901: 104; Третьяков 1949А: 8–9; Пескова 2008: 74–79) (рис. 2). С учетом указанных обстоятельств мы и называем раскопанный под руководством М. К. Каргера памятник Большое Шепетовское городище (рис. 3).

Известно оно уже с конца XIX в. В сборнике топографических сведений о курганах и городищах Волынской губернии Д. Я. Самоквасова описано одно большое городище, расположенное «в 1 версте от с. Городище на высоких берегах двух прудов „Погорелого“ и „Валового“, омывающих это городище с юв и с», там же отмечается, что «часть внешних укреплений

Рис. 3. Вид на Большое Шепетовское городище с северо-востока (фото из личного архива М. К. Каргера)

разрушена при распашке в 1823 г. бывшими владельцами этого городища — монахами-кармелитами» (Самоквасов 1888: 51). На археологической карте Волинской губернии В. Б. Антоновича помещены и кратко описаны уже два городища, в том числе малое: «На северной стороне села есть круглое городище, 33 саж. в окружности, обнесенное двойными: валом и рвом» (Антонович 1901: 104). В 1929 г. оба городища были обследованы сотрудником Шепетовского межрайонного музея М. Д. Савицким, проводившим регистрацию археологических памятников в Судилковском районе на Шепетовщине (Савицкий 1929А; Яненко 2016: 70–71, 75, 359).

В середине XX в. оба городища посетили, проводя разведки в этом регионе, ленинградские археологи — П. Н. Третьяков, руководивший тогда Славянской экспедицией (1949 г.), и М. К. Каргер, планировавший работы будущей архитектурно-археологической Галицко-Волинской экспедиции (1954 г.). Оба исследователя высоко оценили научное значение большого городища, один датировал его XI–XIII вв., другой — концом XII — XIII в. (Каргер 1957А: 2–3). Для археолога-слависта П. Н. Третьякова древнерусский памятник не представлял специального интереса, хотя он отмечал исключительную насыщенность площадки городища подъемным материалом и полагал, что «памятник может оказаться чем-то вроде Райковецкого городища» (Третьяков 1949А: 9). Возможно, именно П. Н. Третьяков заразил М. К. Каргера идеей раскопать это городище. М. К. Каргер, всю жизнь занимавшийся изучением культуры древнерусского города, но в первую очередь древнерусской архитектуры, оценив значимость и большую перспективность полевых исследований этого памятника, принял решение обратиться к его раскопкам, несмотря на то что планы архитектурно-археологических исследований из-за этого пришлось серьезно корректировать. В 1957 г. совместная Галицко-Волинская архитектурно-археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР и Ленинградского государственного университета под руководством М. К. Каргера приступила к широкомасштабным раскопкам на городище, завершившимся только в 1964 г. (рис. 4). Начиная с этого времени и до конца исследований памятника каждый полевой сезон Каргера состоял из двух частей — археологической и архитектурно-археологической; основным объектом раскопок в эти годы было, конечно, Большое Шепетовское городище (рис. 5). В раскопках принимали участие не только студенты, археологи и искусствоведы из ЛГУ, но и местное население, главным образом старшие школьники из с. Городище (рис. 6).

Малое Шепетовское городище в эти годы досконально не исследовалось, хотя был снят топографический план, который сохранился в личном архиве М. К. Каргера, и проведена шурфовка (Пескова 2008: 74–79). К сожалению, в полевых отчетах об этих работах даже не упоминается, возможно, из-за отсутствия ярких находок. Еще П. Н. Третьяков отмечал, что на площадке малого городища, возвышающейся на 30 м над поймой реки, есть отдельные находки средневековой керамики, но выраженного культурного слоя нет (Третьяков 1949А: 8). Параллельно с раскопками на большом городище предпринимались попытки поисков синхронного ему могильника, не увенчавшиеся успехом.

Через девять лет после окончания раскопок М. К. Каргера на Большом Шепетовском городище, в 1973 г., там побывал М. П. Кучера, возглавлявший археологический отряд ИА АН УРСР по обследованию городищ в Житомирской, Хмельницкой и Тернопольской областях. Результаты обследования получили отражение в статье 1979 г., где, в частности, впервые¹

¹ План городища, созданный в экспедиции М. К. Каргера в 1957 г., был опубликован только в 1981 г. (Пескова 1981: 67, рис. 1).

Рис. 4а. Экспедиционные будни. Раскоп на детинце, 1957 г.
(на первом плане справа Марьяна Малевская)

Рис. 4б. Экспедиционные будни. На расчистке костиц

Рис. 4в. Экспедиционные будни. Мытье и упаковка костей

Рис. 4г. Экспедиционные будни. Расчистка деревянных конструкций, 1957 г.

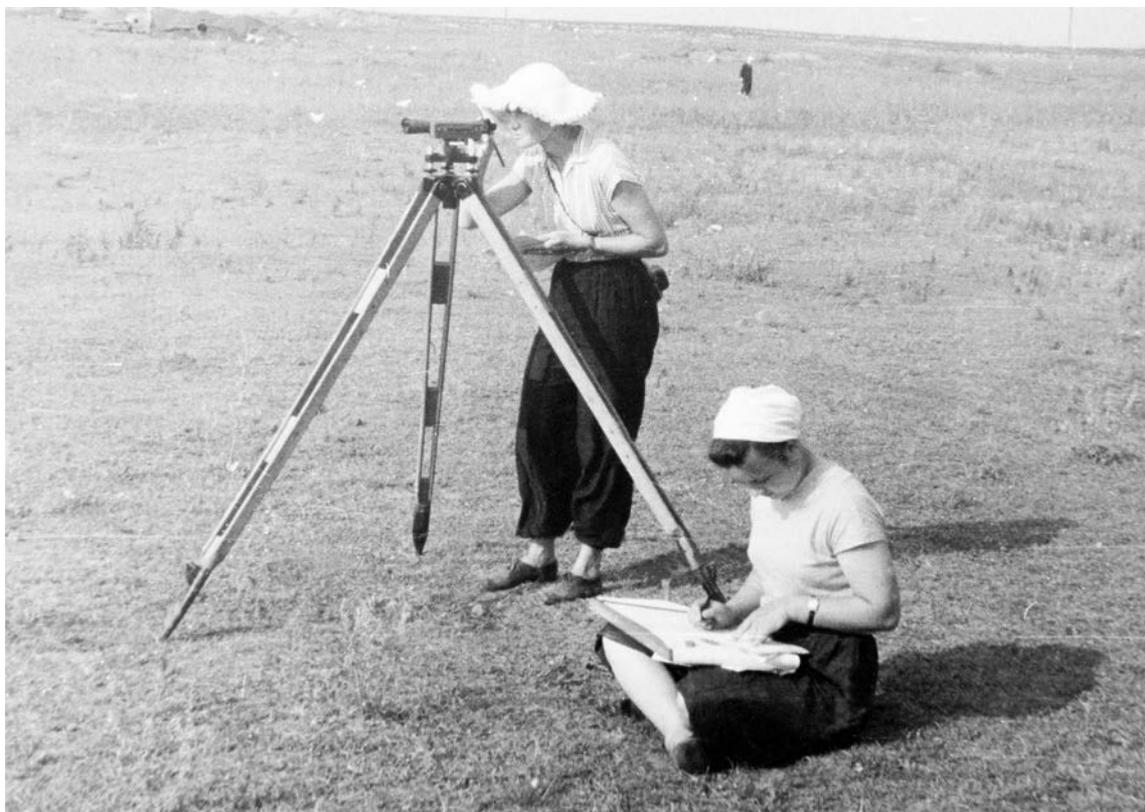

Рис. 4д. Экспедиционные будни. Топоъемка (фото из личного архива М. К. Каргера)

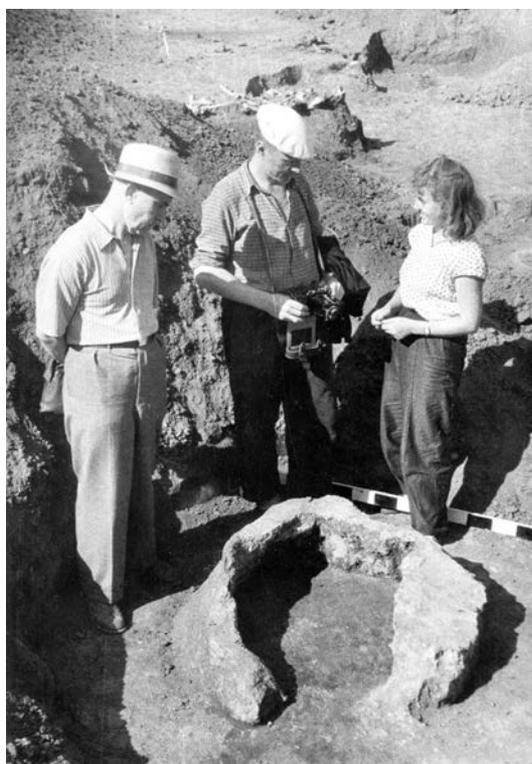

Рис. 4е. Экспедиционные будни. Анатолий Кирпичников фотографирует печь, 1958 г.

Рис. 5а. М. К. Каргер на раскопках городища. Руководитель думает...

Рис. 5б. М. К. Каргер и А. Кирпичников

Рис. 5в. М. К. Каргер на раскопках городища. Руководитель фотографирует

Рис. 5г, д. М. К. Каргер показывает, как держать лопату, и в выходной день перед выездом на экскурсию в Изяслав (?) (фото из личного архива М. К. Каргера)

Рис. 6а. Участники экспедиции 1957 г. (в первом ряду третий слева Марк Миролюбов)
(фото из личного архива М. К. Каргера)

Рис. 6б. Участники экспедиции 1964 г. (в верхнем ряду в центре слева направо:
Леонид Флигельман, Валентин Булкин, Олег Овсянников, Анатолий Кирпичников;
в нижнем ряду первый слева Василий Булкин) (фото из личного архива М. К. Каргера)

был опубликован топографический план городища с многояркой системой валов и рвов у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области (Кучера 1979: 69–70, рис. 6).

В 1983–1984 гг. Шепетовским отрядом Архитектурно-археологической экспедиции² была проведена шурфовка в поле за валами городища (в 20 м к западу от внешнего рва), частично вскрыто жилище с глинобитной печью, датированное по найденным в печи фрагментам керамики XII — первой половине XIII в. (Пескова 1983А: 13; 1984А: 9–10). Большая часть обнаруженной постройки оказалась уничтоженной современной сельскохозяйственной деятельностью (прокладкой траншеи для хранения свеклы). Также были обследованы оба берега р. Гуски поблизости от городища, в трех пунктах собран материал древнерусского и позднееримского времени; за валами в сторону поля древнерусский подъемный материал распространялся примерно на 0,5 км, черняховская керамика — не далее чем на 100 м от укреплений и преимущественно в прибрежной полосе (Пескова 1983А: 13).

В 2006–2007 гг. сотрудниками Хмельницкого областного краеведческого музея было проведено повторное обследование территории городища и прилегающей местности в верхнем течении р. Гуска в районе сел Городище и Пашуки (Демидко 2008; 2017). На момент обследования площадка городища частично заросла кустарником (в основном детинец), валы и рвы в южной и юго-восточной частях оказались разрушены. Разведками было выявлено 14 мест компактно расположенных разновременных открытых поселений, но в основном с древнерусскими материалами второй половины XII — второй половины XIII в., которые были выделены исследователем в отдельный археологический «Изяславский» микрорегион (Демидко 2008: 105, рис. 1; 2017: 148–149, табл. 2, рис. 4) (рис. 7). Попытка сравнения выделенного микрорегиона с археологическим микрорегионом около современного Изяслава на Горыни привела С. Ю. Демидко к неутешительному выводу о том, что при нынешнем неудовлетворительном состоянии изученности последнего «из-за отсутствия необходимого минимума данных» такое сопоставление «возможно лишь на уровне гипотез» (Демидко 2017: 148–149). Тем не менее он отмечает существенные отличия от «Изяславского» микрорегиона территории, примыкающей к городищу «Рогнеда» в Изяславе, по характеру и размерам освоения в XII–XIV вв. Речь идет о четырех ближайших к городищу «Рогнеда» поселениях, два из которых исследователь предположительно называет посадами. Относя начало освоения этой территории ко времени в пределах первой половины XII в., С. Ю. Демидко допускает, что данный комплекс поселений относительно плавно перерастал в позднесредневековый город в течение XIV в. А вокруг городища «Валы» (Большого Шепетовского), по его наблюдениям, во второй половине XII — начале XIII в. «образуется достаточно плотная по заселенности округа», что было связано «с формированием Волынского-Киевского порубежья и проходило целенаправленно и в довольно сжатые сроки» (Там же: 148). Хочется надеяться, что исследования в этом направлении будут продолжены.

На момент раскопок площадка Большого Шепетовского городища, состоящая из двух частей, обозначенных М. К. Каргером как детинец и посад (правильнее — окольный город)³, общей площадью около 3,6 га внутри укреплений, была окружена внушитель-

²Руководитель экспедиции П. А. Раппопорт, начальник отряда А. А. Пескова.

³Непонятно, почему М. К. Каргер назвал посадом, а не окольным городом укрепленную часть площадки городища, примыкающей к детинцу. Тем не менее, оперируя материалами из раскопок городища, мы вынуждены продолжать часто использовать этот термин, заключая его в кавычки, поскольку именно посад (ГП) присутствует в шифре находок наряду с детинцем (ГД).

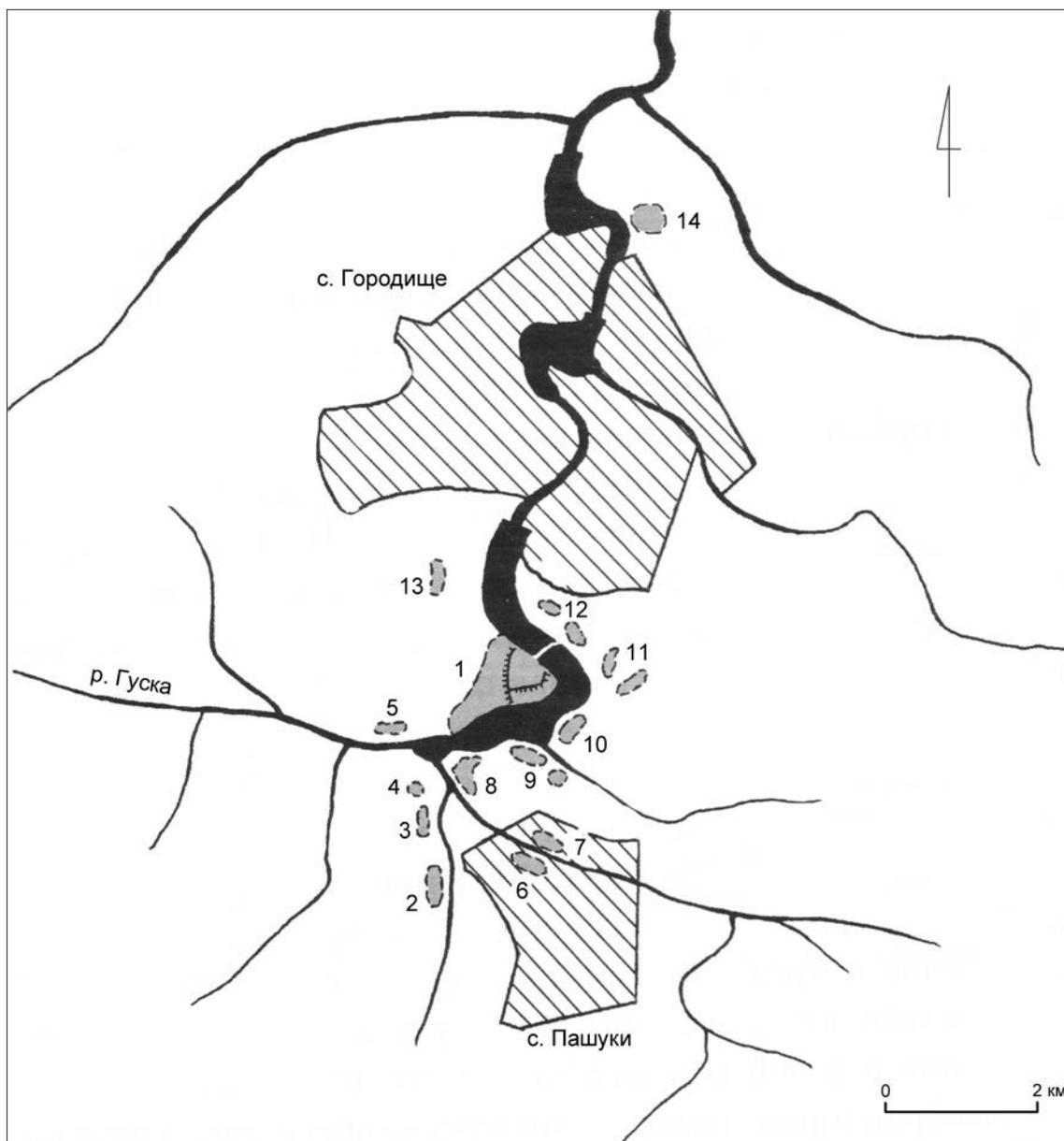

Рис. 7. «Изяславський» археологічний мікрорегіон (по Демидко 2017: рис. 4).
 Археологічні об'єкти у сел Городище і Пашуки Хмельницької області. 1 — городище «Валы» («Большое»); 2 — поселение Пашуки 1; 3 — поселение Пашуки 2; 4 — поселение Пашуки 3; 5 — поселение Городище 1; 6 — поселение Пашуки 4; 7 — поселение Пашуки 5; 8 — поселение Пашуки 7; 9 — поселение Пашуки 8, 9; 10 — поселение Пашуки 10; 11 — поселение Городище 2, 3; 12 — поселение Городище 4, 5; 13 — поселение Городище 6; 14 — городище «Малое»

ной многорядной системой валов и рвов, характерной для группы городищ летописной Болоховской земли, расположенной в непосредственной близости (Раппопорт 1955⁴: 52–59) (рис. 8). В течение восьми полевых сезонов (1957–1964 гг.) городище было почти полностью раскопано в пределах, ограниченных внутренним валом (рис. 9). Под полой

⁴Раппопорт П. А. Города Болоховской земли // КСИИМК. Вып. 57. С. 52–59.

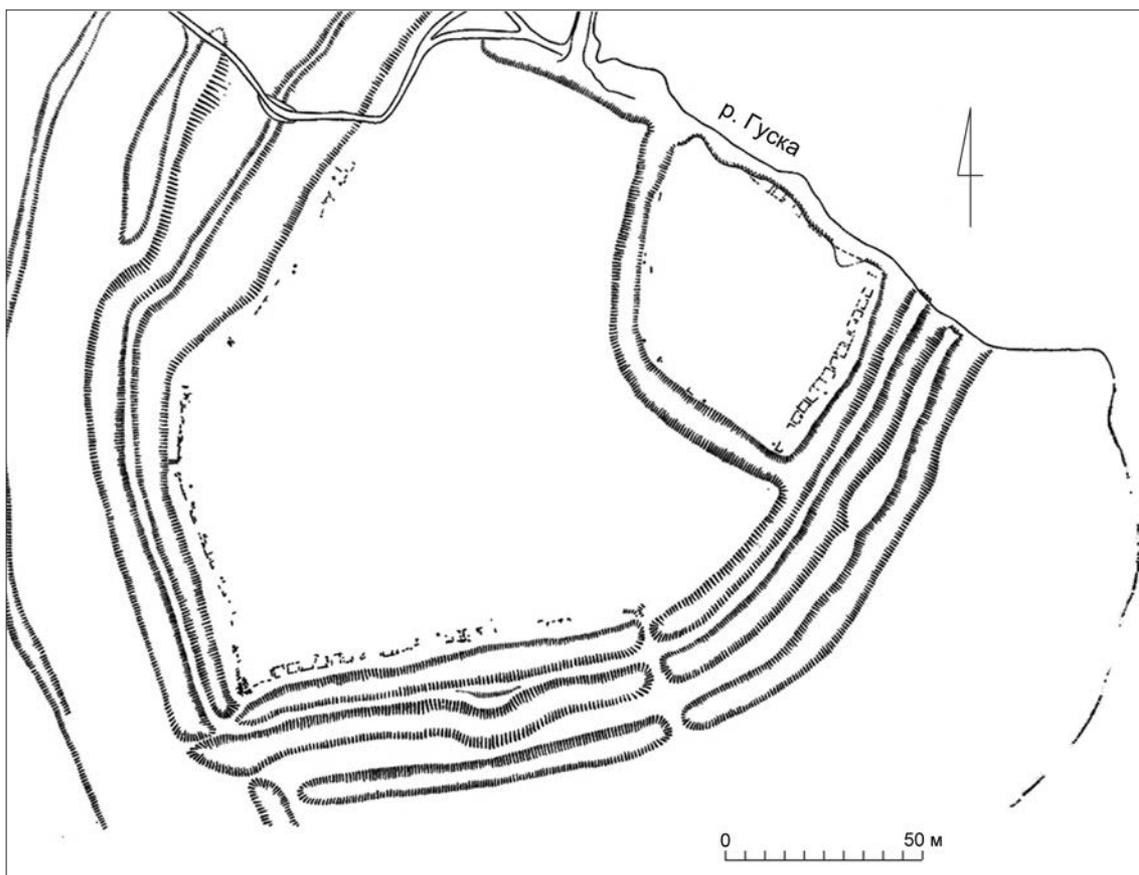

Рис. 8. План городища с нанесением клеток, расположенных под внутренним валом городища (по Пескова 2009: ил. 11)

внутреннего вала почти по всему периметру были вскрыты остатки сгоревших пустотелых срубов — клеток (рис. 10) (Пескова 2009).

Городище оказалось уникальным по насыщенности культурного слоя артефактами и останками человеческих костяков, грудями разрозненных человеческих костей и костей животных. Перед археологами открылась чудовищная картина гибели небольшого укрепленного городка, разгромленного и сожженного в результате внезапного военного нападения, но при этом почти не разграбленного. Рядом с человеческими костяками лежали не только предметы домашнего обихода (целые и раздавленные керамические сосуды, замки, ключи, ножи, ножницы и прочее), многочисленные сельскохозяйственные орудия, кузнечные и ювелирные инструменты, но и фрагменты колоколов, дорогое оружие и наспех спрятанные серебряные украшения (клады) (рис. 11). Увиденное ассоциировалось участниками раскопок с гибелью Помпей и Геркуланума. Неслучайно одна из статей М. К. Каргера в университетской газете тех лет вышла под заголовком «Русская Помпея» (Каргер 1962а).

Говоря о жилых и хозяйственных сооружениях на городище, исследователь в полевых отчетах неоднократно отмечал, что единственным хорошо фиксируемым признаком жилищ являются остатки глинобитных печей с провалившимся сводом: «Несмотря на самые тщательные исследования всех, даже самых ничтожных следов сооружений, проследить точный план жилых и хозяйственных построек не удастся < ... > план жилищ удастся восстановить лишь в известной степени по распространению предметов, обнаруживаемых возле

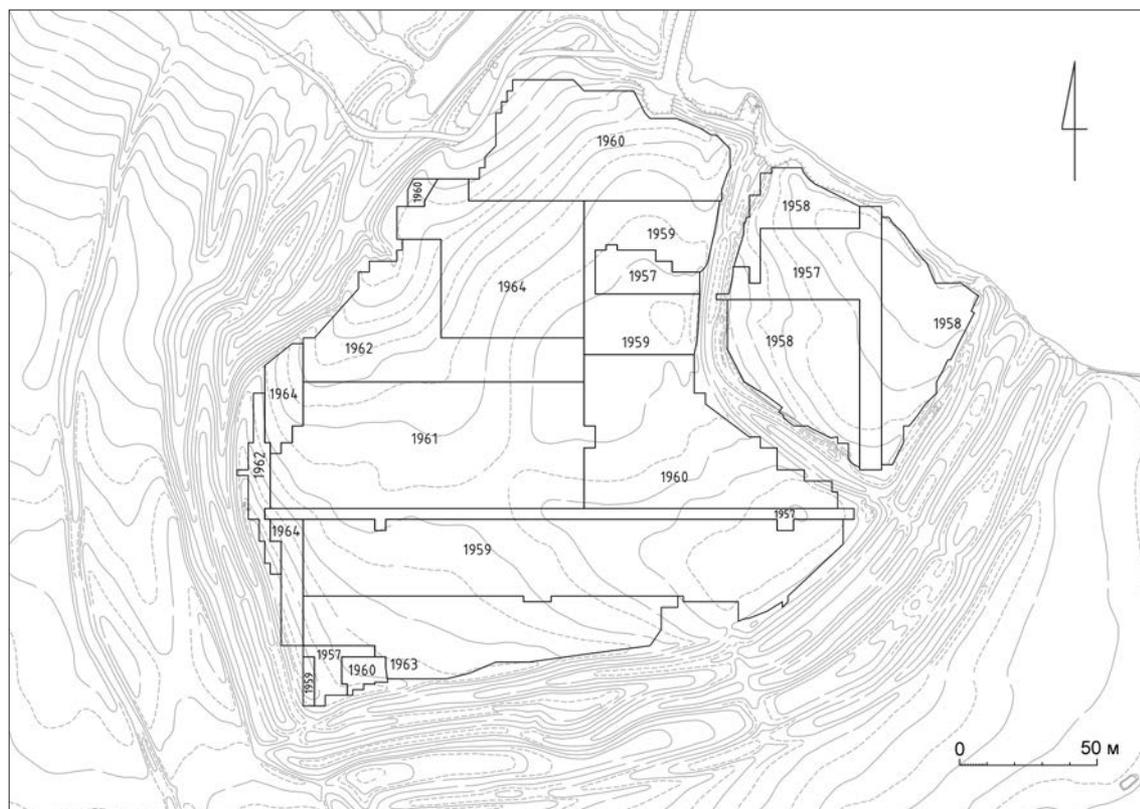

Рис. 9. План городища с указанием раскопов по годам исследования (обработка Е. А. Никитиной полевого чертежа)

Рис. 10. Остатки сгоревших пустотелых срубов — клеток на западной линии укреплений (фото из личного архива М. К. Каргера)

Рис. 11. Следы разгрома города:
а (сверху) — скелеты погибших;
б (внизу) — костице (санитарное
захоронение) (фото из личного архива
М. К. Каргера)

остатков печей, а иногда и по расположению человеческих скелетов вдоль стенок» (Каргер 1961А: 3). Исходя из этих наблюдений, он считал, что жилища на данном поселении были наземными постройками «типа мазанок без вертикально врытых опорных столбов» (Там же). На полевых чертежах и фотографиях около печей в ряде случаев действительно зафиксировано большое количество предметов домашнего обихода (керамических сосудов, иногда целых, жерновых камней, ножей, кресал, замков, ключей и т. д.), подтверждающих, что на этом месте было жилище (рис. 12). В таких случаях планиграфия находок давала представление о размерах жилища. Однако чаще на полевых чертежах зафиксированы одни только печи (или поды печей). Нанесение на план всех индивидуальных находок, о котором сообщал М. К. Каргер в полевых отчетах, на деле не было осуществлено. В итоге плановая структура поселения осталась невыясненной.

Изучение полевых фотографий, которых в личном архиве М. К. Каргера сохранилось великое множество, к сожалению, в основном неаннотированных⁵, наводит на мысль, что какая-то часть сооружений на городище осталась недоисследованной — на некоторых фотографиях читаются пятна построек (?), незафиксированные на чертежах и, соответственно, неразобранные до конца (рис. 13). Аналогичное наблюдение в полевых условиях сделал С. Ю. Демидко в 2007 г. во время визуального обследования траншеи, выкопанной для хранения свеклы в центральной части окольного города (называемого М. К. Каргером посадом), где им были «выявлены пятна заполнения как минимум двух полуземлянок. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с остатками недокопанных (невыявленных?) подвалов так называемых „наземных“ сооружений» (Демидко 2008: 106).

Исследуемое древнерусское городище М. К. Каргер считал «в основном однослойным памятником» и датировал его, исходя из анализа археологических материалов, концом XII — первой половиной XIII в. (в итоговых тезисах относил возникновение городка ко второй половине XII в.) (Каргер 1965: 40). Отдельные находки позднееримского времени сначала он считал случайно занесенными на городище с соседнего поселения или могильника. И только в последние годы раскопок исследователь признал, что более древнее поселение существовало на этом месте задолго до появления здесь древнерусского населения, но древний культурный слой, по его наблюдениям, был разрушен древнерусскими постройками. В отчете за 1962 г. он уже отмечал, что «в прибрежной части детинца и посада местами сохранился слой с остатками значительно более древнего поселения, относящегося, судя по керамике, бронзовым фибулам и римским монетам, к первым векам нашей эры» (Каргер 1963А: 2–3). А в 1963 г. на мысу за пределами укреплений с помощью магнитометра с последующей шурфовкой были обнаружены остатки производственного комплекса того же времени, интерпретированного как двухъярусный горн для обжига серолощеной черняховской керамики (Там же: 6; Шилик 1965: 265–269).

О результатах раскопок на городище их руководитель охотно и ярко рассказывал и жителям с. Городище (рис. 14), и в университете, выступал с докладами на пленумах ИИМК, посвященных результатам полевых исследований (Каргер 1959: 17–20; 1960: 100–101; 1962: 59–61). Однако итоговое авторское представление о памятнике в целом было изложено им лишь однажды в тезисной форме на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (Каргер 1965: 39–41). В нем он дал общую характеристику памятника и кратко описал основные категории находок, акцентируя внимание на исключительном

⁵ На фотоотпечатках есть номера, указывающие на то, что М. К. Каргер вел журнал фотофиксации, который, увы, в его архиве обнаружить не удалось.

Рис. 12а. Открытые комплексы. Остатки жилых сооружений

Рис. 12б. Открытые комплексы. Бытовая утварь

Рис. 13. Пятно не докопанной постройки
(фото 6 из альбома к отчету М. К. Каргера 1962 г., хранящемуся в Киеве)

Рис. 14. Экскурсии на городище (из личного архива М. К. Каргера)

значении памятника для истории древней Руси: «Это единственный древнерусский город, раскопанный полностью и потому позволяющий с небывалой полнотой представить все стороны его материальной и духовной жизни» (Там же: 41).

На основе этих данных памятник был включен практически во все обобщающие археологические труды, касающиеся древнерусских укрепленных городских поселений вообще и особенно южнорусских. Открытие поселения позднеимского времени, предшествовавшего на этом месте древнерусскому, осталось почти незамеченным. Еще в годы проведения раскопок на городище, когда оно было у археологов, что называется, на слуху, древнее поселение все же вошло в каталог черняховских памятников, обнаруженных на территории Украины (Махно 1960: 54, кат. 37). Тогда же одна из найденных при раскопках городища римских монет была включена в сводку кладов римских монет на территории СССР (Кропоткин 1961: 84, кат. № 1124). И это все, что известно в настоящее время археологическому сообществу о поселении позднеимского времени в бассейне р. Горынь.

Собранная в результате полевых исследований многотысячная коллекция археологических и антропологических материалов, костей животных и обугленного зерна была распределена с целью специального изучения и хранения между несколькими научными учреждениями. Основной массив археологических находок в 1971–1976 гг. был передан на хранение в Государственный Эрмитаж, где в январе 1984 г. даже была организована временная выставка и издан каталог «Древнерусский город Изяславль» (Миролюбов 1983), вышедший в свет перед ее открытием. В настоящее время яркие находки из раскопок городища составляют значительную часть постоянной экспозиции в Эрмитаже, посвященной древнерусской культуре.

Небольшая часть находок попала в фонды Артиллерийского музея в Ленинграде и в Хмельницкий областной краеведческий музей (Украина). Графическая и фотодокументация находятся в ИИМК РАН. Полевые отчеты, тождественные по содержанию, но не полнокомплектные, есть в научных архивах Москвы, Киева и Петербурга⁶; полевые дневники отсутствуют.

Антропологические материалы, собранные на городище в гигантском количестве, были переданы для изучения частично в 1-й Ленинградский медицинский институт, частично в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (далее МАЭ). В первые годы раскопок (1957–1958 гг.) находки человеческих костей экспедиция передавала на кафедру рентгенологии и радиологии 1-го Ленинградского мединститута, где они сразу же были подвергнуты изучению группой сотрудников под руководством заведующего кафедрой Д. Г. Рохлина. Определяя половозрастной состав, исследователи также делали акцент на выявление палеопатологических изменений и травматических повреждений костей, не имеющих следов заживления. Часть этой совместной работы была кратко опубликована руководителем группы в его книге «Болезни древних людей» (Рохлин 1965: 208–211, рис. 100). Из нее мы узнаем, что полученные от археологов скелеты и разрозненные человеческие кости были рассортированы, и среди них ученым удалось выделить останки 242 человек (55 мужчин, 64 женщины, 59 детей, у 64 индивидов половая принадлежность не определена) (Там же: 209). Часть костей имела травматические повреждения, свидетельствующие о насильственной смерти людей.

⁶ В НА ИА НАНУ в Киеве хранятся оригинальные отчеты М. К. Каргера за 1957–1963 гг., в НА ИА РАН в Москве — копии отчетов за 1957–1959 гг., в НА ИИМК РАН в Санкт-Петербурге — только копия «предварительного отчета» за 1964 г. Также копии отчетов за все восемь лет раскопок содержатся в составе личного архива М. К. Каргера, находящегося на временном хранении в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН.

Антропологические материалы из раскопок следующих шести лет поступали в МАЭ, но за истекшие 60 лет их след затерялся в недрах фондов музея. И только совсем недавно, благодаря усилиям научного сотрудника МАЭ Ивана Широбокова, удалось разыскать в фондохранилище музея ящики с материалами из раскопок 1959–1964 гг. Значимость этой находки для полного и всестороннего изучения раскопанного М. К. Каргером памятника трудно переоценить.

Кости животных и растительные остатки (главным образом обугленное зерно) экспедиция отправляла для определения в московскую лабораторию ИИМК АН СССР (ныне Институт археологии РАН, Москва) В. И. Цалкину (палеозоология) и А. В. Кирьянову (палеоботаника). Вопрос о том, в каком объеме и по какой методике отбирались образцы для исследования, пока остается невыясненным. В научном архиве ИИМК РАН сохранилось заключение В. И. Цалкина о результатах исследования (Цалкин б/г А), в личном архиве М. К. Каргера в Отделе славяно-финской археологии — фрагменты переписки с А. В. Кирьяновым, кратко упомянутые в свое время в диссертации А. А. Песковой (1988).

Результаты этих исследований в целом так и не были опубликованы, хотя выводы А. В. Кирьянова частично привлекались для сопоставлений с изучаемыми материалами в работах Н. А. Кирьяновой (Кирьянова 1979: 75 (прим. 20), 81), а также С. А. Беяевой и Г. А. Пашкевич (Беляева, Пашкевич 1990: 42). Некоторое количество образцов обугленного зерна из раскопок городища было самостоятельно проанализировано и опубликовано З. В. Янушевич с целью сопоставления с материалами из раскопок городищ Екимавцы и Петруха в Молдавии (Янушевич 1976: 86–89, табл. 15, 16, рис. 42).

Один из авторов данной книги, постоянный участник экспедиции и один из ближайших помощников М. К. Каргера О. В. Овсянников (рис. 15) рассказывает, что М. К. Каргер планировал подготовку большой коллективной монографии, авторами которой, по мнению М. К. Каргера, должны были стать: «М. К. Каргер (общее руководство, жилищно-хозяйственные комплексы, оборонительные сооружения, ювелирные изделия), А. Н. Кирпичников (рис. 16) (предметы, связанные с вооружением), М. А. Миролюбов (рис. 6А) (сельскохозяйственные орудия), О. В. Овсянников (керамика)»⁷. Добавим к этому, что потенциальные авторы будущей монографии были постоянными участниками экспедиции.

Исследование городищенских находок большим авторским коллективом при жизни М. К. Каргера не состоялось, однако отдельные категории находок были изучены и введены в научный оборот. Предметы, связанные с вооружением, как и предполагалось, были проработаны А. Н. Кирпичниковым и в основном опубликованы как в составе сводов археологических источников, так и отдельными статьями (Кирпичников 1966–1973; 1971; 1973;

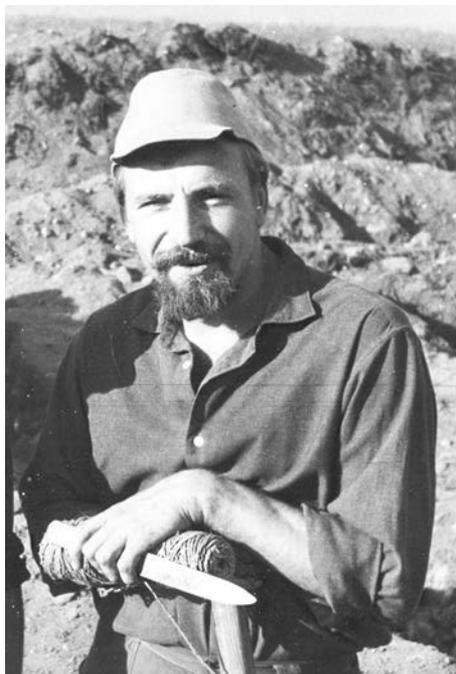

Рис. 15. Олег Овсянников, начало 1960-х гг. (из личного архива О. В. Овсянникова)

⁷ Подробнее об этом см. в соответствующем разделе настоящего издания.

Рис. 16. Анатолий Кирпичников, начало 1960-х гг. (из личного архива А. Н. Кирпичникова)

1975; 1976; 1978), но большая часть этой работы все же оказалась неизданной. Осталось неопубликованным и посвященное керамике исследование О. В. Овсянникова, выполненное к 1968 г. Названные работы, несмотря на их почтенный возраст, представляют большой интерес для современных исследователей древнерусского города вообще и особенно данного памятника и региона прежде всего исчерпывающей полнотой и целостностью представленных материалов и тотальной их проработкой.

Осталась неопубликованной еще одна маленькая, но очень важная, на наш взгляд, обзорная статья Г. А. Романовой (1980-е гг.), дающая представление о наиболее ярких находках позднеримского времени. М. К. Каргер, как мы уже упоминали, относил их к сильно разрушенному слою черняховской культуры, отмечая при этом, что

«особый интерес представляет синхронная лепная керамика» (Каргер 1965: 41). Именно наличие характерной лепной керамики (в сочетании с другими признаками) позволило Г. А. Романовой отнести данное поселение к группе памятников вельбаркской культуры, которые на позднем этапе трансформируются в черняховские поселения⁸.

М. А. Миролюбов — первый хранитель городищенской коллекции и организатор посвященной ей выставки 1983 г. в Эрмитаже — спустя годы все же опубликовал очень краткий (тезисный) обзор коллекции сельскохозяйственных орудий, а также кузнечных изделий различного назначения и ремесленный инструментарий (Миролюбов 1983; 1984; 1988; 1988а; 1995). Разбирая архив Миролюбова в ОИРК Эрмитажа вместе с сотрудниками отдела, мы надеялись найти исследование, посвященное сельскохозяйственным орудиям «Изяславля», но такового не оказалось.

К материалам из раскопок городища за истекшие 60 лет специалисты обращались не раз. Отдельные категории вещей, как, например, каменные иконки, серебряные с чернью украшения (колты и перстни), фрагменты колоколов, бронзовые кацеи, кресты-энколпионы, бронзовая иконка-подвеска, продолжали изучаться специалистами и публиковаться по отдельности и в работах сводного характера (Николаева 1983; Макарова 1986; Шашкина, Галибин 1986; Банк, Залеская 1995; Корзухина, Пескова 2003; Чуракова 2017). Были опубликованы 17 кладов серебряных украшений (Пескова 1988), уникальный для древнерусского города комплекс паломнических реликвий (Пескова 1994: 64–66; 1997: 48–50; 2001: 113–126) и фрагменты киотного креста (Пескова 1998: 238–252), подвесные печати и пломбы (Пескова, Белецкий 1997: 129–138).

Две статьи были посвящены публикации оборонительных сооружений: большого городища в урочище Валы («Изяславля» М. К. Каргера) и расположенного на северной окраине с. Городище малого, возможно сторожевого, городища (Пескова 2008; 2009).

⁸ Подробнее об этом см. в соответствующем разделе настоящего издания.

Киевскими специалистами проводилось изучение технологии производства отдельных групп изделий из черного металла (ножи, ножницы, косы, серпы), выявившее в их составе клинки с дамаскированным лезвием (Вознесенская 1989; 1990; 1992). На основе анализа особенностей в изготовлении серебряных с чернью колтов были выделены две технологические традиции, указывающие на возможность функционирования на поселении двух ювелирных мастерских (Корниенко 2017: 229–240).

В недавнее время на новом уровне были проведены исследования уникальной находки, вошедшей в литературу как древнерусское платье из «Изяславля» (Сабурова 1997: 102, табл. 68: 6), показавшие, что это, судя по крою, вероятнее всего мужской кафтан, ближайшие параллели которому находятся в половецком костюме (Орфинская, Михайлов 2013).

Сегодня список литературы, в той или иной степени касающейся осмысления добытых при раскопках городища материалов, насчитывает уже свыше сотни статей, мы упомянули здесь далеко не все. Они свидетельствуют о неослабевающем к нему исследовательском интересе. При этом разрозненность и фрагментарность опубликованных материалов, случайность выборки и неполнота охвата изучаемых материалов не могут дать целостного представления о памятнике. Это порождает весьма разноречивые интерпретации в отношении не только его летописного имени, но и социального облика, историко-географической принадлежности, в определении его места и роли в истории юго-западных областей Древней Руси.

Историческую судьбу региона, в котором расположен интересующий нас город, во многом определяло, во-первых, его пограничное положение на стыке Киевской, Волынской, Галицкой и Болоховской земель и в опасной близости к Степи. Во-вторых, тот факт, что через эту территорию проходило как минимум два отмечаемых летописью традиционных пути сообщения, ведущих из Киева на Запад (через Владимир и через Галич). Чаще всего эти пути прослеживаются по летописным сообщениям о движении боевых отрядов враждовавших между собой князей, хотя эти пути, несомненно, были в то же время и торговыми, и паломническими путями. Строительство укрепленных центров в регионе было вызвано в том числе и необходимостью обеспечить безопасность этих важнейших путей сообщения.

Этими же дорогами двигалось из Киева и войско Батые зимой 1240/1241 гг. через Колодяжин, Каменец, Изяславль, Кременец и Данилов (ПСРЛ II: 786). Из названных городов только летописный Колодяжин бесспорно отождествляется с городищем, раскопанным на р. Случь у с. Колодежное Житомирской области Украины (Юра 1962: 57–130). Летописный Изяславль, как уже отмечалось выше, с большой долей вероятности может быть назван предшественником современного города Изяслава, расположенного на р. Горынь. Летописный Каменец в таком случае должен был находиться в междуречье Случи и Горыни и может быть отнесен к одному из городищ, расположенных на этом отрезке пути. Вопрос о локализации летописного Каменца имеет очень долгую историю и несколько вариантов ответов. Один из них допускает возможность расположения Каменца у с. Каменка на р. Цветохе, правом притоке Горыни (Грушевский 1891: 43–44, прим. 5). Село Каменка расположено при впадении в Цветоху реки Гуски, но поблизости от него нет ни одного городища. Ближайшим к Каменке является раскопанное Каргером городище в верхнем течении Гуски, что позволяет рассматривать и его в качестве одного из претендентов на летописный Каменец. Археологические материалы из раскопок городища в целом соответствуют летописным упоминаниям Каменца как значительного укрепленного центра, расположенного на границе Волынской и Киевской земель и в непосредственном соседстве с Болоховской землей (Пескова, Белецкий 1997: 132–137). Однако и эта гипотеза должна пройти проверку

дальнейшими более детальными исследованиями как материалов самого городища, так и его окружи.

Большое значение и перспективы в этом отношении имеют упоминавшиеся выше сравнительные исследования микрорегионов современного Изяслава на Горыни и городища на Гуске, планомерно проводящиеся С. Ю. Демидко (Демидко 2008; 2017). Возможно, дальнейшие исследования в этом направлении помогут оценить и состоятельность гипотезы Е. И. Осадчего, локализирующего Каменец на месте современного Изяслава. Автор гипотезы считает, что Каменец Изяславль — название одного города, а именно Каменца, владельцем или строителем которого был князь Изяслав. А города, называемого Изяславль, по мнению исследователя, просто не было (Осадчий 2011).

После тезисов М. К. Каргера 1965 г. следующим опытом обобщения накопленных к концу 1980-х гг. исследований о памятнике была кандидатская диссертация А. А. Песковой «Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки)» (Пескова 1988). Раскопанное М. К. Каргером городище интерпретировалось в ней как военно-феодалный укрепленный центр с ярко выраженной городской культурой, построенный по единому плану как форпост власти волынского князя Романа Мстиславовича на восточной окраине Волыни в 90-е гг. XII в. и просуществовавший до середины XIII в. (Пескова 1981; 1988; 1988а). Со временем были выявлены немногочисленные предметы, вошедшие в обиход древнерусского населения примерно в середине XIII в. и широко бытовавшие в основном во второй половине XIII — XIV в., а также отдельные находки XIV–XVI вв. В связи с этим высказано предположение о том, что гибель поселения могла быть связана не только с нападением войск Батые в 1241 г., но, возможно, и Бурундая в 1259 г. (Медведев, Пескова 2008: 311–315). Этот вопрос тоже остается открытым, как и тесно связанный с ним вопрос о локализации летописных городов, разгромленных в 1241 г. Батыем.

В настоящее время ряд исследователей, и особенно те, кто проводит раскопки в данном регионе, все чаще включают «Изяславль» М. К. Каргера в состав городов летописной Болоховской земли и даже считают его главным административным центром земли Болоховом (Якубовский 1997; Винокур и др. 2004). Это неудивительно, поскольку общность черт материальной культуры в междуречье Случи, Горыни и в верховьях Южного Буга действительно очень высока. В чем причина этой общности, насколько она глубока? Сегодня на эти вопросы еще нет готовых ответов.

Если реконструировать территорию Болоховской земли по немногим упоминаниям в летописи, то легко заметить, что данное городище находится хоть и в непосредственной близости, но все же за пределами летописной Болоховской земли (ПСРА II 1908: 398, 767, 774, 791, 792). Однако, исходя из археологических данных, исследователи значительно расширяют гипотетические границы загадочной Болоховской земли в первой половине XIII в. На археологических картах эти границы простираются от Дорогобужа и Возвягля на севере (в междуречье Случи и Горыни) до Межибожья и Бужска на юге (в верховьях Южного Буга), до Котельнича и Райковецкого городища на востоке (в верховьях Тетерева). Шепетовское городище на этой карте оказывается на западной границе ареала (Моргунов 2009: рис. 89). При этом Ю. Ю. Моргунов отмечает сосуществование на очерченной территории синхронных городищ как с нетипичной планировкой укреплений (городищ болоховского типа), так и обычных общерусских (Там же: 196). Появление в этом регионе нетипичных городищ Ю. Ю. Моргунов объясняет участием в строительстве укреплений выходцев из степей, а конкретно — переселившейся сюда группы «диких» половцев,

кочевавших в верховьях Южного Буга (Плетнёва 1975⁹: 280, 282; Моргунов 2009: 196–197). Совместное проживание разноэтнических групп населения должно было найти отражение не только в характере возводимых укреплений, но и в других элементах местной материальной культуры. Отдельные «степные» элементы наблюдаются в материалах Шепетовского городища, однако их полный объём, а значит, и степень присутствия бывших степняков в составе населения ещё предстоит выяснить. Значительная роль в решении этого вопроса принадлежит, конечно, антропологическим исследованиям.

Круг вопросов, связанных с изучением раскопанного М. К. Каргером городища, очень широк, здесь мы отметили только основные. Полноценное исследование такого памятника возможно только совместными усилиями.

Коллективный проект по изучению и изданию материалов из раскопок городища, задуманный М. К. Каргером, как мы знаем, остался неосуществленным. Но спустя 60 лет после начала раскопок, в конце 2017 г. был выделен грант РФФИ на подготовку к публикации исследований и материалов из раскопок Большого Шепетовского городища. Грант выделен на три года (2018–2020 гг.) группе исследователей из Петербурга и Москвы (рук. проекта А. А. Пескова). Целью проекта является максимально полное введение в научный оборот материалов из раскопок городища, а первым шагом к его осуществлению — настоящее издание I тома: материалы из раскопок М. К. Каргера 1957–1964 гг. в исследованиях 1960–1980-х гг. По окончании работы над проектом планируется издание II тома, куда войдут новейшие исследования.

⁹ Плетнёва С. А. Половецкая земля // Бескровный Л. Г. (ред.). Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 260–300.